

Судакова Ольга Николаевна

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ СИБИРСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ВОЗМОЖНОЕ И НЕВОЗМОЖНОЕ

В статье автор анализирует культурологические теории повседневности, разработанные отечественными культурологами, историками и философами культуры. Цель работы - анализ исследовательского инструментария культурологии повседневности. В результате автором предлагается гипотетическая модель исследования повседневности сибирской культуры в русле культурологии повседневности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/11-1/40.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 11 (49): в 2-х ч. Ч. I. С. 159-163. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 008.001.5

Культурология

В статье автор анализирует культурологические теории повседневности, разработанные отечественными культурологами, историками и философами культуры. Цель работы – анализ исследовательского инструментария культурологии повседневности. В результате автором предлагается гипотетическая модель исследования повседневности сибирской культуры в русле культурологии повседневности.

Ключевые слова и фразы: культурология повседневности; теории повседневности; структуры повседневности; культура повседневности; сибирская культура; структуры сибирской культуры; сибирское купечество.

Судакова Ольга Николаевна, к. культурологии, доцент
Сибирская академия права, экономики и управления
kdoscha@hotmail.ru

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ СИБИРСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ВОЗМОЖНОЕ И НЕВОЗМОЖНОЕ[©]

Заглавие статьи отчасти созвучно с названием работы Ф. Броделя «Структуры повседневности: возможное и невозможное» [4]. Исследователь повседневности М. В. Луков, сопоставив содержание работы с её названием, сделал предположение, что концепция структуры повседневности французского историка включает в себя возможные первичные (пища, одежда, жилище) и вторичные (изысканная пища, модная одежда, роскошное жилье) потребности, а также невозможные к осуществлению третичные потребности (сфера желаний и мечты). Последнее почти не исследовано Ф. Броделем, ибо связано с духовной культурой, а он ограничил свою работу лишь изучением «материальной цивилизации». Однако потенциальное существование третичных потребностей в названии исследования позволяет говорить о теоретико-культурологическом осмыслении повседневности [8]. С предположением о третичной структуре повседневности отчасти можно согласиться, но целью настоящей статьи с подобным подзаголовком является аналитика теоретико-методологического инструментария повседневности, разработанного в рамках культурологических наук, для выявления возможных и невозможных структур повседневности сибирской культуры. Материалом для работы послужили исследования отечественных культурологов, историков и философов культуры в области повседневности и сибирской культуры – А. Д. Агеева, Л. В. Беловинского, В. Д. Лелеко, Т. Ф. Ляпкиной, Д. Я. Резуна, Н. В. Розенберг, М. В. Шиловского и др.

Специфика проблемного поля повседневности детерминировала появление в развитой структуре культурологии нового направления гуманитарного знания или отраслевого направления, одной из задач которого является разработка теорий, позволяющих синтезировать и структурировать массив накопленного «повседневноведческого» материала [6, с. 377, 385; 14, с. 451]. Однако анализ научной литературы выявил наличие множества теоретико-методологических подходов к изучению повседневности [3; 5; 7; 8; 11]. Данное обстоятельство объясняется, прежде всего, различными формами объектов исследования – от исследования онтологических основ повседневности до выявления её структур. Чтобы снять трудности, возникающие при объединении разных теоретико-культурологических подходов к повседневности в целом, автор статьи обратился к стратегии «предварительной бытийности понятливости» М. Хайдеггера. В соответствии с ней необходимо исходить из установления степени заданности ответа вопросом, степени обусловленности искомого спрашиваемым [Цит. по: 5, с. 86]. Из сказанного следует, что анализ исследовательского инструментария культурологии повседневности в первую очередь должен заключаться в определённой постановке вопросов. В настоящей статье они звучат следующим образом: каковы отношения между понятиями «культура» и «повседневность», какова структура повседневности и кто субъект повседневности.

Одну из первых культурологических теорий повседневности, так называемую «хронотопную теорию повседневности», разработал петербургский учёный В. Д. Лелеко. Взаимосвязь культуры и повседневности он увидел в том, что последняя есть определённый модус культуры (*подчёркнуто автором статьи – О. С.*), обладающий системным характером и исторически развивающимся содержанием. По отношению к человеку повседневность служит способом его бытия [7, с. 99, 111]. Следовательно, культура и повседневность возникают там, где есть человек, с той лишь разницей, что в повседневном бытии ценностный смысл приобретают явления, процессы, события, дела, происходящие, случающиеся ежедневно и повторяющиеся изо дня в день.

В качестве фундаментальных структурных элементов повседневности культуролог выделяет время и пространство. Особенность времени повседневности заключается в границах, которые задаются природой и культурой. Благодаря первой происходит чередование дня и ночи, формируются ритмы сна и бодрствования человека. С помощью второй организовываются различные культурные системы и учёта времени, создающие календарную повседневность. В основе календарного учёта времени находится бинарная оппозиция «будни / праздники», благодаря чему повседневность обретает субъективный характер. Календарная повседневность исключает праздничные дни, т.к. характеризуется определённым способом и качеством удовлетворения ежедневных телесных и духовных потребностей человека, определённым сценарием поведения,

перечнем дел и событий, отличающих будни от праздников. Основной мерой времени повседневности, по В. Д. Лелеко, являются сутки, которые по содержанию типовых ежедневных человеческих потребностей разделяются на четыре сектора: время, отводимое на удовлетворение физиологических и других телесных потребностей; время, заполненное делами и заботами «домашнего хозяйства»; время, отданное ежедневной работе или учёбе; время, посвящённое удовлетворению информационных потребностей, дружескому или непринудительному общению, ничегонеделанию и пр. Из повседневных, но не из ежедневных занятий культуролог исключил сон и отправление религиозных обрядов, объясняя это тем, что сон есть «отключение от повседневной активности», а ежедневная молитва происходит в сакральных времени и пространстве, противостоящих мирскому, т.е. повседневному миру [Там же, с. 111-117, 118].

Пространство повседневности, будучи местом, где протекает повседневная жизнь и происходят повседневные события, по утверждению учёного, необходимо оценивать, прежде всего, с точки зрения возможностей и качества удовлетворения ежедневных жизненных физиологических и духовных потребностей человека, с точки зрения безопасности, удобства и комфортности. «Вершится драма повседневной жизни человека» в физическом пространстве повседневности, центром которого является дом, жилище. Границы жилища, как внутренние, так и внешние, структурируют пространство и определяют дальность возможных ежедневных перемещений человека за пределы дома. Культуролог отмечает, что принципиальная схема физического пространства повседневности имеет вид концентрических окружностей, в центре которых всегда дом. А центром перцептуального пространства повседневности является человек, а точнее, его возможности зрительно воспринимать и слышать пространство. Ограничивается данное пространство местом (местностью), доступной обзор в процессе ежедневных передвижений человека. Культурное пространство повседневности посредством «многоплановой культурной семантики» реализует культурные смыслы повседневной деятельности человека в физическом и перцептуальном пространствах. Именно культурное пространство позволяет раскрыть доминирование утилитарных ценностей, практический и прагматический характер пространства повседневности [Там же, с. 119-121].

Параметры хронотопа повседневности задаются субъектом. В качестве такового В. Д. Лелеко обозначил отдельного человека, малую или относительно большую социальную группу (например, семья), общность (профессиональная или конфессиональная группа, сословие, нация), социально-территориальную общность (население деревни, города, области, страны и пр.). Для упорядочения он ввел показатели субъекта: масштаб, профессиональная составляющая его повседневной деятельности и социально-стратификационная принадлежность. Масштаб субъекта определяет не только характер событий, но и влияет на хронотоп повседневности. Основной род занятий, в свою очередь, формирует структуру повседневности. Принадлежность к той или иной социальной группе позволяет выявить репрезентативные или господствующие типы повседневности [Там же, с. 121-122].

Наряду с субъектом большую культурную нагрузку несут вещи (предметы), заполняющие физическое и соматическое пространства повседневности. Основным признаком повседневной вещи – утилитарность, а её ценность выражается в практическом применении, использовании, способности делать какую-либо полезную работу. Местоположение вещи в пространстве повседневности учёный предложил использовать в качестве основы построения следующей классификации: вещи, которые человек носит с собой и на себе; вещи, располагающиеся в пространстве жилища; вещи, находящиеся за пределами жилища [Там же, с. 122-123].

Таким образом, благодаря «хронотопной теории повседневности» В. Д. Лелеко выделяет фундаментальные структуры – время повседневности (суточное и календарное), пространство повседневности (тело человека, жилище, поселение), субъект повседневности (человек, социально-стратифицированная общность, территориальная общность) и фактологически-конкретные структуры (предметно-вещный и событийный ряды, набор поведенческих сценариев и повседневных ритуалов). К сожалению, в методологической позиции Д. В. Лелеко есть уязвимые места, в частности, буквальное понимание повседневности как «ежедневного» заставляет утверждать, что события по мере удаления от суточности и приближения к еженедельной периодичности теряют качество повседневности. Ограничивается повседневность и онтогенетически. Так, например, детство не имеет развитого темпорального сознания, подростковый и юношеский возраст не знают повседневности, по причине ежедневного открытия для себя нового и переживания настоящего как подготовку к будущему. Отсюда вывод, что повседневность есть удел взрослого человека. Однако Д. В. Лелеко оговаривается, что нормативные критерии взрослости задаются культурой и исторически изменчивы [Там же, с. 113-114]. И всё-таки значение работ петербургского учёного автор настоящей статьи видит в философско-культурологическом структурировании повседневности.

Построению теоретической модели «системного описания истории повседневности» посвящено исследование московского историка культуры Л. В. Беловинского [3]. Поскольку культура, считает учёный, реализуется только в повседневном бытии человека, постольку говорить о повседневности необходимо постоянно апеллируя к культуре. Культура понимается им как совокупность исторически складывающихся и постоянно видоизменяющихся социально активных норм и стандартов человеческой жизнедеятельности, порождённой потребностями воспроизводства человека. Вследствие этого повседневность необходимо понимать как практическую реализацию в процессе общественного бытия индивида существующих норм, стандартов и выработанных на их основе новых культурных норм, стандартов, ценностей. Отсюда культурно-исторический процесс и его результаты, утверждает Л. В. Беловинский, предстают в виде цепочки: технологии – производство – продукция – технологии. Технологии – это собственно культура, способ исторического бытия человека. Посредством данных технологий (культуры) происходит производство культурных ценностей,

а процесс производства и есть повседневность человека. Результатом производства (повседневности) с применением определённых технологий становятся новые культурные ценности, которые в дальнейшем используются в качестве технологий в процессе производства последующих ценностей. Так, повседневность приобретает непрерывность, в ходе её развития происходит смена технологий, которая есть смена парадигм культуры. Следовательно, повседневность может быть использована в качестве инструмента (*подчёркнуто автором статьи – О. С.*) изучения и описания культуры [Там же, с. 40, 48-49, 51]. Культура и повседневность являются взаимодополняющими друг друга феноменами человеческого бытия.

Для рассмотрения истории повседневности как сложноорганизованной системы Л. В. Беловинский предлагает разделить её на отдельные структурные элементы, ибо анализу целостность может быть подвергнута лишь при «расчленении». Сложности системы детерминирует несколько вариантов её структурирования. Так, в основе первого варианта находится повседневная деятельность человека – трудовая, бытовая и рекреационная. Под трудом подразумевается деятельность по созданию материальных и духовных ценностей. Быт не является аналогом повседневности, считает историк культуры. Он важная её составная часть. По этой причине быт следует разделять на частный, общественный и официальный. Это, в свою очередь, даёт полноту описания быта и позволяет выделить особенности повседневности в определённую эпоху, в определённой стране. Отдых – род деятельности, который свидетельствует о широте интересов индивида и социума на конкретном историческом этапе и связан с господствующими вкусами, модами, стереотипами.

Служебный или монографический вариант структуры истории повседневности также имеет три части. Первая – фактологическая часть, в которую входит характеристика среды обитания (ландшафт, почвенно-климатические условия, социальная структура общества, политико-государственная структура и управление). Вторая – основная часть: включает описание субкультур социальных страт и их культурно-бытовой облик. Третья часть состоит из культурных феноменов, которые присущи в равной мере всем или почти всем социо- и этнокультурным группам (особенности употребления пищи, характер кухни, напитков, табака, транспорта, массовых зрелищ и пр.). При отсутствии жесткой социальной стратификации в изучаемый период эта часть включает костюм, жилище, другие составляющие быта. При жесткой экономической, социальной, этнической, конфессиональной стратификации общества значительная часть материала переходит во вторую часть по каждой группе отдельной, или выделяется особым образом. Таким образом, данная структура охватывает различные уровни в их системной взаимосвязи, а в целом создаётся достаточно широкая картина культурно-исторической действительности.

Следующая структура, предполагающая последовательное описание повседневности, начинается с описания среды обитания определённого сообщества. Затем описывается социально детерминированный тип жилища, различные формы духовной культуры разных социокультурных страт на конкретном историческом этапе [2; 3, с. 174-182, 183-186, 187-189].

Субъект истории повседневности, как видно из всех трёх структур, этнически един, но социально стратифицирован. Единство достигается за счёт типовых образцов культурных форм, своеобразных паттернов, присущих культуре этноса. Особенность повседневности каждой социально-стратификационной группы обнаруживается в разнопорядковом сочетании этих типовых образцов. Причём иерархическая шкала последовательного описания структур субъекта истории повседневности, по мнению учёного, зависит не от иерархии ценностей, а от логики излагаемого материала [2, с. 173, 208].

Таким образом, опираясь на принципы реконструктивного моделирования, выработанные исторической культурологией, Л. В. Беловинский выделяет материальные (тип жилища, орудия труда, костюм, кухню и т. п.) и духовные элементы (нормы и стандарты труда, быта, досуга, менталитет), способствующие системному описанию структур повседневности определённого народа. В отличие от В. Д. Лелеко, историк культуры отказывается от противопоставления повседневного и неповседневного, что даёт возможность выделить рекреационную деятельность как отдельную структуру, т.к. формы проведения досуга свидетельствуют о высоком духовном развитии общества, группы или о его упадке. Спорным, по мнению автора настоящей статьи, является утверждение учёного, что история повседневности может если не заменить историю культуры, то стать средством её моделирования, поскольку повседневность охватывает и совокупность культурных ценностей, и процессы их создания, и процессы трансляции исторического опыта [3, с. 182, 306]. Однако заслуга историка культуры – в разработке модели системного описания повседневности того или иного народа, с учетом его культурно-исторической динамики.

Идейное объединение, проанализированных выше структур повседневности было представлено в работе философа культуры Н. В. Розенберг [11]. Её теоретическую модель повседневности, а точнее, культуры повседневности можно обозначить как «модель констант современной культуры повседневности». Под культурой повседневности учёный понимает специфически человеческий способ бытия, имеющий свои пространственно-временные границы; форму организации повседневной жизни и деятельности человека; совокупность повторяемых событий, общепризнанных ценностей, смыслов и значений, т.е. констант. И хотя, тенденции современного мира вносят в неё инновационные компоненты, стержневые явления и процессы повторяются в сравнительно неизменном виде на протяжении жизни нескольких поколений и составляют в совокупности определённую традицию мышления и поведения человеческих общностей. Посредством повседневности вскрывается проблематика современной культуры (*подчёркнуто – О. С.*) [Там же, с. 84-88]. Таким образом, философ культуры решает взаимоотношения культуры и повседневности через их отношение к человеку, указывая, что культура повседневности есть организация человеческих взаимоотношений или неформальная институализация.

Структуру культуры повседневности Н. В. Розенберг конструирует в виде трёх константных уровней. Первый уровень – это быт, второй – амбивалентные дихотомные константы, третий уровень – бивалентные константы. Быт есть заданная с рождения константа. Он влияет на формирование ценностей и установок сознания каждого человека. Предметная среда быта формирует потребительские предпочтения, ценностные ориентации и вкусы. Поведенческая бытовая среда находит своё выражение в культуре общения, воспитании, традициях и ценностях. В современном мире происходит сближение и контрастное взаимодействие внеобыденных и повседневных сфер культуры, поэтому амбивалентные дихотомные константы повседневности определяют её облик. Основными дихотомиями культуры повседневности Н. В. Розенберг назвала: привычку – спонтанность, ритуал – внезапность, рутину – креативность, будни – праздник, традицию – моду, стабильность – экстремальность, реальность – виртуальность. В качестве констант третьего уровня культуры повседневности она обозначила язык, ценности и менталитет. Бивалентность этих констант заключается в сочетании традиционных и инновационных компонентов. Особенность этого уровня заключается в синтезе устойчивости, инертности и обновления, усвоения новых смыслов. Таким образом, автор теоретической модели доказывает, что структура культуры повседневности представляет собой сложную иерархическую систему, где все уровни динамически неравновесные, но конструктивно взаимодействуют. Следовательно, современная структура повседневности должна опираться на новый порядок, который не отражается в какой-либо универсальной ценностной или идеологической системе, но может быть рассмотрен сквозь призму констант [Там же, с. 114-117, 118-130, 131-147, 148].

В современной культуре повседневности, по мнению учёного, в качестве её субъекта следует выделять семью. Она наиболее устойчивый и консервативный элемент. В практику повседневности семья вписана на «генетическом уровне». Более того, она центр бытовой жизни, основное место передачи формирующейся личности духовных и витальных ценностей, культуры общества и субкультуры конкретной социальной группы [Там же, с. 184].

Матрицу региональной структуры культуры повседневности Н. В. Розенберг сформулировала, основываясь на материале Поволжья. Центральная структура – это современная повседневная культура. На неё влияют, с одной стороны, традиционные компоненты этнической идентичности (традиции, быт, религию, язык, духовность) и, с другой – инновационные компоненты региональной идентичности (профессия, черты характера, организация). И первая, и вторая идентичности отражаются в менталитете и образе жизни [Там же, с. 289]. Следует отметить, что региональная модель структуры повседневности отличается от рассмотренной выше «модели констант современной культуры повседневности». Не удалось философу культуры при конструировании понятия «культура повседневности» абстрагироваться от определений повседневности уже существующих в научном поле, поэтому данное словосочетание не несёт нового содержания. Однако Н. В. Розенберг акцентировала интерес региональной культурологии на культуре повседневности отдельных регионов России.

Подводя итог аналитике системно-структурных моделей, разработанных в русле культурологии повседневности, отметим, что общим для всех авторов является: решение принципиальной задачи – это определение культуры по отношению к повседневности; антропологичный подход к повседневности; стремление обосновать возможные структуры (подструктуры) и дополнительные элементы повседневности; аргументировано обозначить структуры (элементы), которые по тем или иным причинам не возможны в ней; обязательное выделение субъекта повседневности.

Избранная исследовательская процедура поиска «зерна истины» путём переосмысления теоретических моделей повседневности, с опорой на работы культурологов и историков-сибиреведов [1; 9; 10; 12; 13] позволяет автору статьи выдвинуть следующие тезисы относительно повседневности сибирской культуры и её субъекта.

1. Сибирская культура – это культурологический конструкт, архитектурное строение которого заключается: в «месте встречи» разных по своему типу и развитию культур (оседлой и кочевой, столичной и провинциальной, городской и сельской и пр.); в материальной, духовной и художественной формах, выраженных «культурными гнёздами» как генетической основы всех русских культурных традиций; в этнокультурной общности – сибиряки с особым ментальным набором качеств и ценностных ориентаций, делающих сибирскую культуру отличной от целостной русско-российской по своему содержанию.

2. Сибирская культура в контексте региональной культурологии является национально-этнически или сословно-стратификационной сложноорганизованной системой. В русле культурологии повседневности предполагает выделение в ней макро- и микроструктуры. К первым следует отнести культурное пространство, время и сознание (менталитет). Ко вторым – духовные и материальные структуры.

3. Антропологичность повседневности детерминирует выделение в качестве субъекта сибирской культуры купечество. Сибирское купечество обладает субкультурой, в основе которой находилось стремление привести в соответствие социальные ценности купечества с ценностями, провозглашаемыми Православной Церковью и светской культурой Российской империи.

Таковы возможные исследовательские пути повседневности сибирской культуры.

Список литературы

1. Агеев А. Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. Иркутск: ИГУ, 2002. 294 с.
2. Беловинский Л. В. Культура русской повседневности: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 2008. 768 с.
3. Беловинский Л. В. Культурно-исторические аспекты повседневности: содержание, структура, динамика: дисс. ... д.и.н. М., 2003. 344 с.
4. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв. / пер. с фр. М.: Весь мир, 2007. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. 592 с.
5. Корнев В. В. Проблематизация категории «повседневность» // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 2. С. 85-90.

6. Лелеко В. Д. Культурология повседневности: становление и современное состояние // Фундаментальные проблемы культурологии: в 4-х т. / отв. ред. Д. Л. Спивак. СПб.: Алетейя, 2008. Т. 1. Теория культуры. С. 377-389.
7. Лелеко В. Д. Пространство повседневности в европейской культуре: монография. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств, 2002. 320 с.
8. Луков М. В. Культура повседневности [Электронный ресурс] // Библиотечное дело. 2010. № 17 (131): URL: <http://www.bibliograf.ru/issues/2010/9/158/0/1444> (дата обращения: 20.04.13).
9. Ляпкина Т. Ф. Культурное пространство Восточной Сибири: конец XVII – начало XX в. СПб.: Инфо-да, 2006. 387 с.
10. Резун Д. Я., Шиловский М. В. Сибирь конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005. 193 с.
11. Розенберг Н. В. Аналитика культуры повседневности Поволжья: дисс. ... д. филос. н. Тамбов, 2010. 328 с.
12. Судакова О. Н. Концепт «сибирская культура» в теории фронта // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 4 (18): в 2-х ч. Ч. I. С. 179-183.
13. Судакова О. Н. Обретение концептом «сибирская культура» культурологического содержания // Актуальные проблемы искусствоведения, филологии и культурологии: мат-лы межд. науч.-практ. конф. (18 января 2012 г.). Новосибирск: ЭКОР-книга, 2012. Ч. I. С. 28-32.
14. Флиер А. Я. Избранные работы по культурологии. М.: Согласие; Артём, 2014. 560 с.

DAILY ROUTINE OF THE SIBERIAN CULTURE: POSSIBLE AND IMPOSSIBLE

Sudakova Ol'ga Nikolaevna, Ph. D. in Culturology, Associate Professor
Siberian Academy of Law, Economics and Management
kdoscha@hotmail.ru

The author analyzes the culturological theories of daily routine developed by domestic culture specialists, historians and philosophers of culture. The aim of the article is the analysis of the research tools of culturology of daily routine. As a result the author suggests a hypothetical model for the study of the daily routine of the Siberian culture within the framework of culturology of daily routine.

Key words and phrases: culturology of daily routine; theory of daily routine; structures of daily routine; culture of daily routine; the Siberian culture; structures of the Siberian culture; the Siberian merchants.

УДК 343

Юридические науки

Статья посвящена классифицированию объектов интеллектуальной собственности для целей совершенствования уголовно-правовой охраны прав на них. Автор анализирует классификации, встречающиеся в юридической науке, и приходит к выводу, что они либо построены с нарушением правил формальной логики, либо не имеют отношения к уголовному праву. Предлагается классификация объектов интеллектуальной собственности на основе выделения сфер использования последней.

Ключевые слова и фразы: интеллектуальная собственность; уголовная ответственность; классификация.

Титов Сергей Николаевич

Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова
s.n.titov@yandex.ru

КЛАССИФИКАЦИЯ ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ[©]

В цивилистике традиционным является деление интеллектуальной собственности по цели использования ее объектов. Выделяют объекты авторских прав, используемые для личных духовных потребностей человека, и объекты промышленной собственности, которые используются в большей степени в хозяйственной деятельности для извлечения прибыли [1, с. 11; 2, с. 18-22; 8, с. 36; 9, с. 16; 10, с. 11]. Как характеристика деления иногда подчеркивается ценность, которую представляет тот или иной объект интеллектуальной собственности. Объекты авторских прав оцениваются с точки зрения эстетической или познавательной ценности, объекты промышленной собственности оцениваются с точки зрения их экономической значимости [3, с. 84].

Полагаем, предложенную классификацию, несмотря на определенную ее наглядность, нельзя признать последовательной. В некоторых случаях затруднительно отнести тот или иной объект строго к объектам авторских прав либо к объектам промышленной собственности.

К примеру, согласно п. 1 ст. 1259 ГК РФ, произведения живописи суть объекты авторских прав. Однако вряд ли кто-либо будет отрицать, что эти произведения имеют определенную стоимостную оценку.

Другой распространенной классификацией интеллектуальной собственности выступает ее деление по критерию творчества на объекты, представляющие собой результаты творчества, и объекты, не являющиеся продуктом творчества [3; 4, с. 58; 9; 10].